

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Топоанализ процессов «медиации вещей» и «овеществления медиа» в современной социальной теории

Мацевич Ирина Янушевна

Аспирант

Белорусский государственный университет, философии и социальных наук, Минск, Беларусь

E-mail: matsevich22@mail.ru

На протяжении последних десятилетий XX века в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий, их воздействием на социальную и природную среду в ряде социальных теорий стала оформляться и доминировать идея о виртуализации и «детерриториализации» (Фр. Джеймсон) социальной реальности. Во многом распространению данной интерпретации сущности происходящих социальных трансформаций содействовали процессы популяризации теории «информационного общества» и её операционализации в соответствующих программах государственной политики развитых и развивающихся стран. Однако параллельно, в особенности с конца 90-х годов, в различных областях социально-гуманитарного познания актуализируется интерес к феномену и понятию физического пространства и места (Дж. Ло, Б. Латур, Р. Флорида, Ч. Лэндри и др.). Исследуя концептуальные вехи эволюции подходов к анализу пространства медиареальности с конца XX века до сегодняшнего дня, мы обозначили три тематических блока интерпретаций. Целесообразность их выделения и рассмотрения обусловлена возможностью демонстрации, в каком направлении эволюционирует современная социальная теория при рассмотрении природы пространства медиа.

Среди многообразия интерпретаций своеобразия пространства медиа мы выделяем несколько подходов, согласно которым оно может рассматриваться преимущественно как:

- 1) виртуальная реальность (Ж. Бодрийяр, Фр. Джеймсон, А. Аппадурай);
- 2) гетерогенное пространство «медиации вещей» и «овеществления медиа» (С. Лэш, С. Лари, Дж. Урри);
- 3) совокупность физических мест взаимодействия многообразия материальных и социальных акторов (Б. Латур, Дж. Ло, Р. Флорида, Ч. Лэндри).

1. Первый из вышеозначенных подходов развивался философами и социологами, рассматривающими современные социально-экономические процессы как потоки знаков и символов, подчиняющиеся собственным законам циркуляции. В этом контексте социальное пространство постепенно утрачивает свойства, приписываемые ему классической социальной теорией по аналогии с физическими теориями абсолютного и относительного пространства. Соответственно предлагаются новые понятия для обозначения формирующейся реальности: «дематериализованное пространство»/ «киберпространство»/ «детерриториализованное пространство постмодерна» (Фр. Джеймсон), «симулякр третьего порядка» (Ж. Бодрийяр), «ландшафт скэйпов» (А. Аппадурай) и др.

В то же время ряд исследователей своими работами продемонстрировали, как идея информационного общества может развиваться от вышеозначенных интерпретаций со-

циального пространства как знаково-символических потоков и технологий управления ими до описания процессов их воплощения и материализации в физическом пространстве. Ярким тому примером является эволюция взглядов социолога М. Кастельса от его фундаментального трёхтомного труда «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996-1998) к работе «Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель» (2002). В последней автор демонстрирует, почему многие специализированные международные научно-инновационные центры, несмотря на их финансовые возможности и успешные проекты, всё же постепенно утрачивают былое значение, уступая естественной среде по многообразию культурных, социальных и природных ресурсов. Чтобы этими ресурсами овладеть, необходимо выйти за рамки «научного инкубатора» и осознать своеобразие того *места*, где человек живёт и вопрошает.

2. Ряд исследователей, обратившихся к проблеме материального измерения пространства медиа, попытались описать развитие современной культурной индустрии в терминах «медиации вещей» и «овеществления медиа» (С. Лэш, С. Лари): «Медиа становится вещами. Образы и другие культурные формы суперструктуры оказываются сокрушёнными самой материальностью инфраструктуры» (Lash, 7). Несмотря на выделенную значимость исследований процессов «овеществления медиа» в пространстве материальных продуктов потребления, С. Лэш и С. Лари пришли к выводу, что современный «глобальный культурный порядок – виртуальный капитализм» (Lash, 183), так как «объекты глобальной культурной индустрии – виртуальные объекты» (Lash, 182). Поэтому подход, развитый вышеназванными авторами не привёл к реваншу понятия физического пространства вещей перед виртуальным пространством медиа. Но сама попытка найти равновесие в описании процессов «медиации вещей» и «овеществления медиа» в терминах социальной теории заслуживает особого внимания.

3. В результате выявленных проблемных зон в описании физических параметров пространства, особую актуальность и популярность в современной социальной теории приобретает актор-сетевая теория (Дж. Ло, Б. Латур), содействующая пересмотру природы пространства медиа и вещей с помощью специального категориально-понятийного аппарата. Последний, согласно авторам данной теории, должен способствовать вопрошанию о воздействии физического пространства на социальное, преодолевая склонность представителей социальных наук описывать их взаимодействие исключительно с помощью понятий социальной теории. Применительно к пространству медиа мы можем сформулировать аналогичную проблему: способны ли философы и социологи описать его, преодолевая доминирование категориально-понятийного аппарата социально-гуманитарных теорий? Такого рода вопросы приводят к ситуации, когда «социология вещей» и актор-сетевая теория могут стать серьёзным испытанием для социальной теории на пути определения и концептуального картографирования пространства медиа.

Литература

1. Lash S., Lury C. Global Culture Industry. Cambridge: Polity, 2007.